

читатель справедливо, как оплот демократии и мира.

Коммунисты в странах Европы и Азии сейчас, после окончания войны, выступают, как влиятельнейшие государственные деятели, как поборники свободы и счастья народов. Они стоят на страже мира.

Они стоят на страже независимости народов и национального суверенитета, на которые посягают финансовые магнаты.

Если в ту пору, когда буржуазия еще была молода, когда она вступала на арену истории, как новая сила, плущая на смену охладившей феодальной аристократии, — если тогда с буржуазией связывалось понятие нации, то сейчас выродившаяся буржуазно-капиталистическая верхушка в любой стране выступает, как злейший враг, палач, убийца своей нации, своего народа, как и всех народов земли.

В самом деле, что общего со своей родиной имеют личные монополии, готовые во имя личных прибылей продать независимость и суверенитет своего государства? Что для них честь нации, ее традиции, ее культура?

Международные разбойники, связанные позорной «космополитической» круговой порукой, они только и мыслят о своей мошле.

В коммунистах воплощено сегодня все самое честное, самое смелое, самое прогрессивное.

История говорит сегодня каждому, кому дороги судьбы его народа:

— Если ты хочешь быть уверенным в завтрашнем дне, если ты хочешь быть свободным гражданином свободной страны, если ты не желаешь чистить башмаки коммунистическим иноземцам, — полагаясь на коммунистов!

— Если ты хочешь демократии и мира, если тебе дорога жизнь твоих детей, если ты не желаешь, чтобы на твоих слезах и твоей крови жавились империалисты, — прислушайся к голосу коммунистов!

— Если ты хочешь, чтобы в века сохранилась самобытная культура твоего народа, его песни и подвиги, его юности, его мудрость, если ты не хочешь, чтобы все, созданное поколениями ученых, поэтов, эстетов, было сметно мутной волной позорного «американизма», — следи за коммунистами!

На весь мир прозвучала декларация совещания представителей девяти коммунистических партий, которая провозгласила, что коммунисты «должны взять в свои руки знамя защиты национальной независимости и суверенитета своих стран».

Народы мира не хотят войны. Миллионы простых людей снова с надеждой смотрят на коммунистов, чье мужество, стойкость и верность уже не раз испытаны в трудные годы.

Шантаж и запугивание, мутные волны клеветы развиваются вдребезги об эту стойкость и верность.

Кто противопоставит сегодня коммунистам и миллионам простых людей, борющихся за мир?

Палачи, бросающие греческих патриотов на голые скалы Пситалии, обрекая их на голодную смерть. Членовоевневствители, разрабатывающие в секретных лабораториях рецепты бактериологической войны. Убийцы, бомбящие индонезийских детей. Садисты из Алабамы, линчующие негров. Бразильские друзья Гитлера и Трумэна. Наконец, всемогущие мультимиллионеры, направляющие и финансирующие все эти преступления против человечества.

Но мы читаем в Декларации девяти компартий:

«Силы, стоящие за мир, настолько значительны и велики, что если эти силы будут стойкими и твердыми в деле защиты мира, если они проявят выдержку и твердость, то планы агрессоров потерпят полный крах».

Так и будет!

Так и будет, потому что в авангарде сил, стоящих за мир, шагают коммунисты. Так и будет, потому что есть в мире Советский Союз — страна высшей справедливости, идущая вперед к коммунизму, есть в мире лучший из лучших, мурейший из мурейших борцов за счастье человечества — великий Сталин!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 50 (2365)

Среда, 29 октября 1947 г.

Цена 40 коп.

П. АНГЕЛИНА

Мой ответ на американскую анкету

Я получила письмо из Америки. В письме сообщалось, что в Нью-Йорке, Бродвей 296, издается «Мировая библиографическая энциклопедия», содержащая биографии выдающихся людей всех стран.

Между прочим, там же расшифровывалось понятие «выдающиеся люди». Это, во-первых, «ведущие общественные деятели, во-вторых... создатели атомных бомб, а затем уже прочие деятели науки, искусства, литературы, промышленности».

На бланке с изображением толстого лица на фоне развернутой карты мира редактор мистер Байе поздравил меня, что имя депутата П. Ангелины включено в «Мировую библиографическую энциклопедию», и просил заполнить прилагаемую анкету.

Кроме обычных вопросов (имя, фамилия, год и место рождения и т. п.), анкеты интересовались перечнем моих занятий «от начала карьеры до сегодняшнего дня», почетными званиями и наградами, адресом службы и резиденцией, именами и званиями моих родителей и детей, военными отличиями и почетными титулами.

Отвечаю так: Ангелина Прасковья Пикитична, год рождения—1912-й, место рождения (оно же место службы и резиденции) — село Старо-Бешево, Сталинской области, Украинской ССР. Отец: Ангелин Никита Васильевич — колхозник, в прошлом батрак. Мать: Ангелина Евфимия Федоровна — колхозница, в прошлом батрачка. «Начало карьеры» — 1920 год — батрачка вместе с родителями у кулака. 1921—1922 годы — разносчица угля на шахте «Александровская». С 1923 по 1927 год опять батрачка. С 1927 года — конюх в товариществе по совместной обработке земли, а позже — колхозник. Ленин. С 1930 до настоящего времени (перерыв два года—1939—40, когда училась в Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева) — трактористка. Детей у меня троих. Являюсь членом Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) с 1937 года. Состою в профсоюз работников земельных органов. Что касается военных отличий, то такового я считаю за себя «гвардеец», присвоенное мне фронтовиками из полковой артиллерийской бригады за успешную работу в глубоком тылу во время войны. Награда депутат Верховного Совета СССР по 474-му Амурскому избирательному округу. Почетные звания и награды: Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, лауреат большой золотой медали Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Награждена двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями...

А именно этот вопрос мне задал в другом письме из Америки, полученном задолго до анкеты. Письмо прислал фермер Бенжамен Мартен, уроженец штата Алабама.

О своих делах он сообщил коротко — всего два слова: «вери бей». Это я и без перевода поняла: «без»... Его не занимала дата моей свадьбы. Мартену хотелось знать, почему в Советском Союзе возможна такая биография, как моя: батрачка-трактористка — государственный деятель.

Получая я журналы «Америка» и «Британский союзник». В них нередко встречаются описания «головокружительных», «исключительных» биографий. Помню, например, восторженное жизнеописание одного господина, который, по словам журнала, «вышел из народа». Он был простым разносчиком, а потом нажил миллионы, стал владельцем многих газет, произвел в лорды... Я подумала я: вот напечатают в той энциклопедии рядом две биографии — мою и лорда (я — на букву А, а его фамилия — на Б). О нем: «Фамилия, имя, год рождения, дата свадьбы, отец, мать — бедняки, был разносчиком — стал лордом». Обо мне: «Фамилия, имя, год рождения, дата свадьбы, отец, мать — бедняки, была батрачкой — стала депутатом Верховного Совета СССР».

— Какая же разница? — спросит, прочитавши это, мой американский друг Бенжамен Мартен и тысячи ему подобных. Да, без вопроса «благодаря чему?» — нельзя понять и оценить жизненный путь советского человека, а, значит, и мой. Главное ведь не во мне лично... А в том, что мой путь не есть исключение. И если тот господин, как справедливо сказано в журнале, «вышел из народа» в лорды, то я поднялась вместе со всем народом. Вот в чем главное.

Сегодня, с высоты тридцати советских лет, особенно умственно оглянувшись на путь, пройденный нами, вспомнить волнуемую биографию нашей страны, которая одновременно является и биографией каждого из нас.

Я работаю на тракторе много лет. Это для меня больше, чем «просто должность». Это — мое место в борьбе за первые пять лет, мой боевой участок в дни Отечественной войны, источник радости, славы и счастья...

Трактор... Шкогда не забуду, как тринадцать лет назад Надежда Константиновна Крупская после приема в Наркомпросе повела нас — сельских девиц — в Ленинский маневоль.

Мы, не дыша, обошли вокруг гроба Ильича... А когда вышли на Красную площадь, Надежда Константиновна сказала тихо: «Он мечтал о ста тысячах тракторов для России...»

Не знала я об этой ленинской мечте, когда весной 1930 года впервые села за руль трактора. Я была тогда единственной в стране женщиной-трактористкой.

Я добилась того, что моя машина ломалась редко, а по выработке я перегнала многих товарищей. Мне выдали «ударную книжку», наградили значком отличника и... перевели кладовщиком на нефтебазу. Мне объяснили, что это сделано «в порядке выдвижения». Но надо ли говорить, какую большую обиду затаила я в душе.

Я поняла, что одного моего примера мало, нужно организовать целую тракторную бригаду из женщин. Будем работать ударно, пусть тогда осмелеют сказать, что нам не место за рулем трактора.

Твердо знала я, что во всяком правом деле можно надеяться на поддержку партии. И потому пошла со своим предложением прямо в политотдел МТС, к Ивану Михайловичу Курову.

Во всю жизнь сохраняю я благодарность к этому хорошему человеку, умному и чуткому большевику.

Куров сразу зарелся новым проектом. Вель как раз в те дни — в феврале 1933 года — товарищ Сталин говорил на первом Всесоюзном съезде ударников о том, что женщины в колхозах большая сила и их надо выдвигать.

В январе 1933 года были организованы краткосрочные курсы для девушек-прицепщиц, а я стала преподавателем. И вот, наконец, весной выехала из ворот МТС наша женская тракторная бригада — первая в Советском Союзе.

Настоящие у всех было предчувствие. Всею дорогою до самого колхоза «Брянский пахарь» мы пели «Сус'юку» и другие украинские песни...

И вдруг случилась что-то неожиданное, страшное. У околицы села нас встретила возбужденная толпа женщин. Они загородили нам дорогу и кричали все разом:

— Поворачивайте оглобли! Не допускайте бабы машины на наше поле!

Можете представить себе наше состояние: вместо праздника, вдруг такое... Пришлось оставить девиц у машин и бежать по непролазной грязи за несколько километров в Старо-Бешево.

К счастью, я застала в политотделе Курова. Выслушала меня Иван Михайлович и помычал... Сел мы в «газик» и поехали в колхоз «Красный пахарь».

А там уж едва не драка... Мужьям как-то появились, кричат на девиц. Как увидели Курова, присмирели совсем, но стоять не расхотели.

— Пожайте работать, товарищ бригадир! — приказал мне Иван Михайлович... Стали мы заводить моторы «Фордонов», а они не заводятся (я уже говорила, что это за проклятые машины).

В толпе уже пошевелились стаи: «Не бабы, мол, на машинах ездят, а машины на них». Минут десять провозились, пока завели...

Едем мы, а толпа за нами поодаль движется. И Куров от нас отстает. Приехали на поле, развернулись, начали... Час работал, другой, третий. Толпа стоит, не расхотится. И Куров тоже стоит. Потом женщины оиентались между собой и повернули в село. А Иван Михайлович подошел ко мне, руку пожал и говорит:

— Вот так, Паша, все с бою берется! Мне доводится порою слышать слово «прославленная», «знаменная» рядом со своим именем. Правительство удостоило меня высоких наград, почетных званий. Есть даже улица Паши Ангелиной в городе Сталино и пароход «Паши Ангелина» на канале им. Москвы...

Всем этим я горжусь и очень дорожу. Быть прославленной в нашей стране — значит получить от народа самую высокую оценку своего труда.

Но мне хочется еще раз подчеркнуть: все, что говорится обо мне, прежде всего славит мою страну. У нас просто засмеялся бы человек, который вздумал бы кичиться своими заслугами.

Здесь мне хочется привести один «наказ», который мне прислал подруги по первой бригаде. Когда я была избрана в Верховный Совет. Это был короткий смешной стишок. Но в него вложена замечательная мысль. Вот он:

Если хочешь жить легко
И быть к людям близко,
Держи сердце высоко,
А нос держи низко.

Этот «наказ» я стараюсь выполнять.

Мне выпало счастье несколько раз видеть великого Сталина. Я помню февраль 1935 года, великолепный зал Кремлевского дворца. Это был второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. В его работе принимал участие Поепф Виссариевич.

Слово предоставляется бригадиршу Куровой тракторной бригады Ангелиной, — объявил председательствующий.

Вышла я на трибуну ни жива, ни мертва, не могу вымолвить ни слова. Смотрю на Сталина и молчу...

А он подал мое колечко и сказал тихо, так, чтобы я одна слышала: «Смелей, смелей, Паша...»

Эти слова стали путеводными в моей дальнейшей жизни. И когда мне становилось очень трудно, и когда надо было начинать что-то новое, рисованное, я всегда вспоминала их, эти сталинские слова: «Смелей, смелей, Паша!»

В декабре этого же года я выступала на совещании передовиков сельского хозяйства. Я говорила о том, что нам удалось ламного превысить старые нормы, но мы будем очень рады, если наши последователи достигнут еще лучших показателей.

И тут товарищ Сталин бросил реплику: — Кадры, Паша, кадры!

Для нас это была новая большая задача, следующая ступень роста. Теперь нам нужно не только самим давать высокую выработку, но и других научить этому.

Конечно, во много раз легче было бы добиться высокой выработки, оставив бригаду в прежнем составе. Мы уже сработались между собой. Трактористки отлично знали машину, были дружны и дисциплинированы.

Но все эти соображения, конечно, не могли нас остановить. Задачу, поставленную товарищем Сталиным, нужно было выполнять во что бы то ни стало.

Вскоре в районе было создано десять новых женских тракторных бригад. Моя бригада превратилась в своего рода школу тракторного дела. Каждый сезон ее состав меняется почти полностью. А, значит, каждую весну опять надо начинать все с «начала».

Более ста девушек, пройдя выучку в моей бригаде, стали квалифицированными трактористками, бригадирами, механиками.

В 1936 году женские тракторные бригады появились уже во многих областях и республиках.

Когда в 1939 году вместе с Ларей Гармаш я обратилась с призывом к советским женщинам: «100 тысяч подруг на трактор!» — откликнулись 200 тысяч... Они овладели профессией трактористки без отрыва от производства.

Что это значило, мы все смогли отчетливо оценить в дни Великой Отечественной войны. Какое счастье, что женщина за рулем трактора была диковинкой в 1931, а не в 1941 году!

22 июня 1941 года встретила я в роковом селе, где, по обычаю, проводила канникулы (я училась уже на 3-м курсе «Тимирязевки»).

Я вступила в войну, как умела: в первые две недели выработала на тракторе 365 трудодней.

Все ближе подходила война к нашему селу. Хмурым октябрьским утром я получила из обкома партии распоряжение выехать на восток. И мы выехали...

На определенном расстоянии в колхоз имени Буденного, Теректанского района, Западно-Кавказской области.

Очень мы собрали небывалый для района урожай.

Бригада получила в порядке дополнительной оплаты около 20 тонн зерна. Да и трудовой у нас накопилось порядно. Алеб на базаре в Уральске стоит тогда очень дорого, и все мы могли сделать богачами. Наверное, будь это в Америке, а мы — американцами, каждый так бы и поступил, и в «Мировой библиографической энциклопедии» прибавилось бы еще 8 «головокружительных» биографий. Но мы все единодушно решили подождать с обогащением до мирного времени и, снарядив верблюжий караван, отвезли свое зерно в фонд Красной Армии.

Прямо в полевой стан нам привезли телеграмму из Москвы: «Высшая правительственная Бригада Паши Ангелиной. Благодаря всех трактористок за заботу о Красной Армии и лично Вам, Паши Ангелина, жму крепко руку. Поепф Сталин».

От этого сталинского рукопожатия нам всем сил прибавилось, захотелось сделать еще много, сделать все, что потребуется.

Вскоре после освобождения Донбасса мы уехали из Теректы в родные места. За два года так оскудели, захудали поля, в такое запустение пришли, что и сказать невозможно. Не будь советской власти, пришлось бы нам после такого разорения поправлять свой долг лет двадцать.

В 1945 году мы уже могли смело сказать, что вернули себе власть над землей. Урожай у нас выдался (вернее, не «выдался», а был взят нами у земли) 21,4 центнера с гектара. Такого урожая в Старо-Бешеве не бывало до войны.

Наша страна горячо желает мира во всем мире. Но никакие атомные бомбы — это говори я, мать трюх детей, — не заставят нас отступить от законов жизни, которые мы считаем справедливыми, от советского нашего строя...

Мы сумеем построить счастливое наше завтра и отстоять его, если потребуется. Тому порукой тридцатилетняя биография нашей советской страны, тому порукой известии миллионов биографий простых советских людей.

Вот мое слово к друзьям в СССР и за рубежом о том, что я считаю самым главным в жизни каждого советского человека.

Если ретанция «Мировой библиографической энциклопедии» все-таки пожелает напечатать мою биографию: вот она, с Старо-Бешева, Сталинской обл.

В Южной Корее

Из горных рек в моря ушла форель... На крейсерах пробила глухо склянка. На тридцать восьмью параллель В двух полтонах выскочил янки. Врага не надо было брать «клевши» И обрывать с чужих знамен эмблемы. ...На дипломатах — серые плащи. На офицерах — пробокные шлемы. Гладели пушки с кораблей в упор; Дышали снасти грозным озоном; И сопки юга стали с втях пор В столбах газет «Американской зоной».

На Киме простая рабочая булава. Его каковьяны стоят у окна. ...Продают платформы с зерном кукурузы.

С мешками чумизы, бобов и пшена Плывет на платформах корейская соя. И рис, и пушистого хлопка тюки; Мелькают крылатые каски конвой, Кривые улыбки, прямые штыки. Гудают под колесами звонкие рельсы. И стонут, и стонут сталью литой: — «Корейцы!»

Корейцы! Корейцы! Раздавлен ваш край Вашингтонской пятой! —

Ким больше не может стучать в наковальню, Он молча подыался на груды угля. — «Довольно! В провинциях ближних и дальних

От горя корейская стонет земля. Стоим, как рабы, мы от смены до смены И каторжной жизни не видно конца...» — Вдруг топот сапог... И всапки полисье-нов...

Ударил... И кровь на лице кузнеца... Наручники звон угрожающе-резкий: — «Корейку нельзя говорить по-корейски!» —

Трубил, трубил, трубил рожок В прамые улыбки дали. Колочий снег прилично жег До пальцев стертые сандалии. Суеолом, вдоль трамвайных рельс, По мостовым, кривым и трясинам, За рихлей в свой обычный рейс Катилась легкая колеска.

Холодным потом рижка мок, И целый день, в тоске ли, в злобе ль, Бежал и убежать не мог Из полуровняной оглобелы.

Бросил фонари холодный свет. И люди шля и вдруг остановились: Девчонок, продававших сигарет. На мостовую свил зеленый виллис. ...Мольба на обскороленном лице. ...И пальчики скользят на чем-то алом. ...Должно быть, элгантний офицер Забыл ее предупредить сигналом. ...Уносят сигареты на лотке; На мостовой Сеула стынет валец.

...Есть правило: в корейском городе Американец может не сигнализировать. Разрешивая матыый холодильник Тягучей патентованной резины, На площади, где столпились городок, Ищидают интелегент на магазин. В его руке свиновья печать. На белом шлеме сетка от комаров. ...Здесь пришли корейцев отмечать На рынке бев бумажной волокиты. Здесь выдают чумизу и пшено (Об этом, верно, знают в Белом Доме) И ставят современное клеймо На узкие косятые ладони.

Его не смеешь, не сорешь с руки (Такою краску вымудили янки!)... Подходит суеовно старикни. Судачок суеовно корейчки. Какой урок для азиатских глаз! Какое удивление в каждом доме. Когда называет, строго в тот же час, Сама собой клеимо сойдет с ладони! Америка, раскнинув белый тент У Серегов, где взоран первый атом, Еще один «классический» патент Сегодня подарил азиатам.

Стриженного грубо под гребенку, На макушке с кисточкой волос, Ти-Чи-Хо, корейского ребенка, Матери ласкать не привелось. В мастерскую, в дом под черепицей Продали его за сто иен.

...Рот повалил белою тразией; Запыленный фарчук до колен. Смах звучит неселесо и робко: Не до шукот мальским рабам, — «Ты плавил, плавил, волна из хлопка, Под стальные зубы в барабан. Ты плавил, плавил легко и ровно, Чтобы мастерскую затопить...» Мир широк, но только в нем, огромном, Корейчонку векуда ступить.

В начале 1937 года мне посчастливилось некоторое время пробыть вместе с великим легионским поэтом Сулейманом Сталинским в его родном ауле Ашага-Стале.

Я выпелил тогда с натуры бюст поэта, который явился как бы этюдом к только что законченному мною скульптурному портрету Гомера XX века.

Сулейман Сталинский изображен в тот момент, когда он, радостный, помолодевший, читает свои стихи. Поэт держит чонур. Через минуту он вновь зайрает, молча слагая новые строки.

Скульптурный портрет Сталинского будет показан на Всесоюзной художественной выставке.

Аскар САРЫДЖА
НА СНИМКЕ: скульптурный портрет Сулеймана Сталинского работы Аскара Сарыджы.

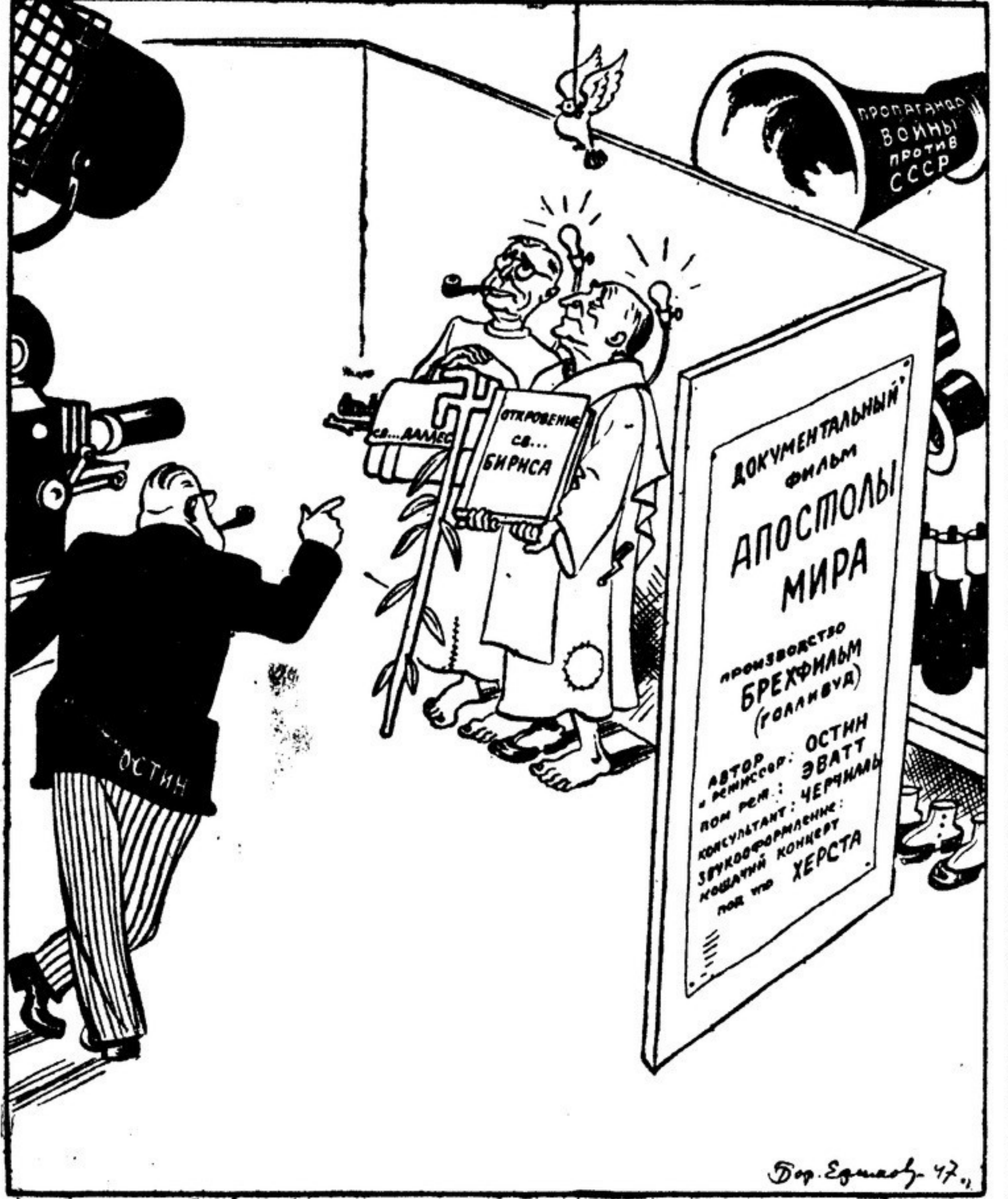

В начале 1937 года мне посчастливилось некоторое время пробыть вместе с великим легионским поэтом Сулейманом Сталинским в его родном ауле Ашага-Стале.

ХАЛТУРНАЯ ПОСТАНОВКА

Американский представитель Остин всачески превозносил Бириса и Даллес. Призывающую к войне против СССР книгу Бириса Остин назвал великой, а самого Бириса сравнил с апостолом Павлом.

Вирис в настоящее время подвизается в качестве художественного советника голливудской кинопромышленности.

Вирис в настоящее время подвизается в качестве художественного советника голливудской кинопромышленности.

Иосип Броз-Тито

1.

Глубоко в горах, где дорога, ведущая от неправдоподобно красивого Адратического побережья в самое сердце Черногории — Петинье, свершая десятка два головокружительных петель, оставляет где-то далеко вглубь прекрасную голубую лагуну и поднимается на орлиную высоту, я увидел эрцгерцога, которое трудно забыть. На окатанной облаками, седой, голой и ровной скале, хмуро нависшей над пропастью, за много километров были нарисованы не что-то черным, возможно, копотью папуинского фауна, два гигантских мужественных профиля. Неведомый художник, видимо, не очень полагаясь на свое мастерство, поставил под этими профилями подписи по-сербски: под одним — Сталин, а под другим — Тито. Но не качеством рисунка привлекал мое внимание эти изображения. Художник сделал их на совершенно ровной, гладкой скале, висевшей над пропастью, метрах в тридцати от вершины и метрах в ста от подножия. Было совершенно непонятно, как ухитрился этот неведомый силач забраться на такую головокружительную высоту. Я спросил об этом нашего спутника, югославского офицера-черноторца с золотой партизанской звездой на кителе, бывшего человека, воевавшего в этих местах и знающего здесь каждый камень.

— Мы и сами над этим голову ломаем. Должно быть, художник слезался вниз на веревке и рисовал, вися над пропастью, — ответил офицер и добавил: — Знаете, что самое интересное? Рисунок этот был сделан еще в те дни, когда итальянцы пытались захватить Черногорию и когда во в этих самых местах временно располагалась провашианская на Петинье итальянская дивизия. Рисунок появился ночью и явился полной неожиданностью, ударом грома для итальянцев.

Я рассказал об этом случае потому, что в нем, как мне кажется, с особенной яркостью нашел выражение любовь южных славян к маршалу Тито, всенародное уважение, которым окружено его слабое имя. Неизвестный черногорский юнак рисовал жизнью, чтобы нарисовать на скале два этих профиля, и они навсегда запечатлелись на сером, повисшем над пропастью камне, где выражение вечной народной любви.

Несмотря на то, что биография вождя новой Югославии маршала Иосипа Броза-Тито еще в военных лет хорошо известна каждому южному славянину, мы, разсуждая по стране, все время сталкивались с любопытным явлением. Каждый из населяющих Югославию народов считает Тито своим земляком. Крестьяне Воеводины уверяли нас, что Тито родился в их краях, занимаясь хлебопашеством и только зрелым юной уехал в Хорватию на завод. Пастухи Македонии называют его урючим гор, и народные художники, резчики по дереву, любят изображать Тито в пастушеской рубашке, с посохом в руке, среди овец овен. Жители Боснии говорят, что он родился в окрестностях города Сараева. Черногорские крестьяне с жаром доказывают, что Тито не мог родиться нигде, кроме как в Черных горах, ибо это настоящие горный оред. А на берегу Адриатики, в древнем городе Дубровник, местные ломовики и добытчики кораллов являются любящим морем, утверждая, что Тито происходит из их города и мальчишкой бороздил лагуны на рыбацких шхунах...

В этих простодушных полудедацких версиях сказало что огромный и шеперелецкий авторитет, каким пользуется этот героический человек у всех народов, населяющих новую Югославию. В деревнях о нем поют песни. В горах ходят легенды о его подвигах. И надо сказать, что настоящая биография этого достойного сына своего народа, борца-коммуниста, посвятившего всю жизнь делу освобождения своей родины, талантливого полководца и народного вождя, с гордостью считающего себя учеником великого Сталина, — не менее ярка и интересна, чем те легенды, какие сложил народ вокруг его имени.

II.

Иосип Броз-Тито родился 25 мая 1892 года в семье крестьянина маленькой хорватской деревушки Кумровец. Окончив сельскую школу, он отправился в уездный город Сисак и там изучил в ремесленном училище сапожное дело. В 1910 году он вступил в профсоюз металлистов и, работая слесарем на металлургических заводах Словении, Чехии и Австрии, принимал активное участие в профсоюзном движении. Уже тогда у молодого хорватского рабочего появились первые навыки профессионального революционера, безавестного, смелого борца за дело рабочего класса, каким он сделался впоследствии.

Первая империалистическая война заставила Тито на действительной службе в австро-венгерской армии в чине унтер-офицера. В 1915 году, воевая на русском фронте, он был тяжело ранен и вместе со всем батальоном попал в плен. Тридцатидесять месяцев пролежал он в госпитале в Свибавце, а затем, оправившись от ран, работал как военнопленный в Симбирске и в Кунгуре. Тут в постоянной общении с русскими рабочими и крестьянами он научился хорошо говорить по-русски, глубоко полюбил русский народ.

После февральской революции Тито бежал из Сибири в Петроград. Хорватского металлиста, с юношеских лет принимавшего участие в революционном движении своего народа, захватили величие и размах борьбы русского рабочего класса. Он сразу примкнул к питерским рабочим, находился в рядах демонстрантов в июльские дни 1917 года в Петрограде. Полиция буржуазного временного правительства пыталась арестовать Тито. Скрываясь от преследований, он вернулся обратно в Сибирь. Набравшись революционным питерским воздухом, вдохновленный коммунистическими идеями, Тито включается в борьбу, которую вели смелые большевики, весь отдаваясь ей и участвуя в ней вплоть до отъезда на родину.

В 1920 году он возвращается в Югославию и вступает в югославскую коммунистическую партию. Его все время пресле-

Б. ПОЛЕВОЙ

дуют королевские жандармы. Но ни гонения, ни постоянная угроза ареста не могут отогнать Тито от активного участия в рабочем движении. Он вырастает в настоящего вожака масс. В 1927 году Тито в столице Хорватии — Загребе стал секретарем местной организации коммунистической партии. Только на протяжении этого года его дважды арестовывают и приговаривают к тюремному заключению. Но даже и в заключении он не складывает оружия: он пишет воззвания и руководит своими товарищами, остающимися на воле.

В те дни в рабочем движении Югославии идет ожесточенная борьба против правых и «левых» предателей, наносивших огромный вред делу рабочего класса. Тито борется за единство рабочего движения, за революционную целостность и ясность его политических целей.

В 1928 году Тито снова подвергается аресту. Приговор суда гласит: пять лет тюрьмы. На процессе Тито превращается в скамью подсудимых в трибуну обвинителя. Он обращается через голову судей к народу. Смело разоблачает он реакционный королевский режим, страстно отстаивает правоту дела, за которое борется, гордо заявляет, что не признает этого суда и что для него имеют значение и силу только решения родной коммунистической партии. Все поведение Тито на процессе и его речь делаются известными всей стране. Имя его становится для рабочих Югославии символом революционной стойкости и непреклонности.

Годы, проведенные в тюрьме, не пропали для Тито даром. Он много читает, расширяет свой политический кругозор и, умело используя возможности для тайного общения с внешним миром, продолжает руководить рабочим движением, шарагаять его. Выйдя из тюрьмы в 1934 году, Тито по решению партии временно покидает Югославию.

Спустя два года Тито вернулся на родину и сразу же окупился в партийную работу, а еще через год стал во главе коммунистической партии Югославии. Под его руководством партия начинает быстро расти, крепнуть, очищаться от чуждых элементов, сплачиваться под своим знаменем все самое передовое и прогрессивное в рабочем классе и революционной интеллигенции страны.

III.

Многогранный и разносторонний талант этого замечательного революционера-коммуниста раскрывается во всем блеске в труднейшую для его родины годину, когда преданную и проданную реакционными правителями и профсоюзными генералами Югославии оккупируют войска Гитлера и Муссолини.

Еще в 1940 году коммунисты Югославии, предприняв предвидя события, создали неслучайный Военный комитет для подготовки отпора армии фашистских захватчиков. Возглавил его Тито. Сразу же после оккупации страны комитет через местные партийные организации начинает активно собирать оружие, боеприпасы и исподволь готовить восстание против захватчиков. Комитет является единственной реальной, хорошо организованной силой, готовой бороться против гитлеровцев.

Всенародная борьба южных славян против оккупантов, умело подготовленная Военным комитетом, началась сразу же после нападения немцев на Советский Союз. Именно в этот момент, по указанию Тито, одновременно во многих местах вступили в бой с фашистами партизанские отряды южных славян. Под воздействием Тито партизанские отряды вырастают сначала в народно-освободительную партизанскую и добровольческую армию, а затем — в Народно-освободительную армию Югославии, сражающуюся с величайшим мужеством и отважностью себе заслуженное уважение всего свободлюбивых народов мира.

В тяжелые дни, когда советский народ один на один отражал натиск подавляющей части фашистских полчищ, армия Тито, вооруженная, которую она добывала себе в боях, разгата, а часто и раздетая, посылая своим боевым духом, своей революционной дисциплиной, оттягивала на себя больше немецких и итальянских дивизий, чем все вместе взятые вооруженные до зубов английские и американские военные силы.

Армия Тито все время была армией атакующей, нападающей, активной, умевшей не только мастерски парировать удары врага, но и наносить ему ответные удары, всегда попадая прямо в цель. В этой великодушной наступательной тактике Народно-освободительной армии ярко отразилось высокое полководческое искусство ее вождя — маршала Тито.

В дни, когда армия Тито вела героическую борьбу в горах Боснии и Герцеговины, мне довелось слышать от солдат, офицеров, генералов много рассказов об их славленном военачальнике, рабочем-металлисте, ставшем талантливейшим полководцем. Говорили, что Тито не раз сам во главе полки в атаку на главных направлениях, где решалась судьба задуманной им операции. Называли имя старого черногорского партизана, который был ранен в сражении и которого маршал вынес с поля боя. Рассказывали, что когда армия Тито произвела передислокацию, совершая огромные переходы в горах, и бойцы ее на плечах несли оружие, боеприпасы, разобранные на части стволы оружейных мастеров, маршал уступал своего копыта раненым партизанам и шел пешком, взяв на себя беседу бойцов, ободрая уставших. И в армии Тито бои о бок, как родные братья, позавидь бывшую вражду, героически сражались сербы и хорваты, боинцы и македонцы, люди всех профессий и всех рангов многонациональной Югославии.

IV.

Иосип Броз-Тито — не только выдающийся полководец, но и мудрый государственный деятель, основатель новой Югославии, федеративной народной республики, фундаментом которой является прочная дружба и единство южных славян.

В стране еще бушевала война, когда в маленьком городке Яйце начал работать высший законодательный орган освобожденной территории — Антифашистское народное вече, провозгласившее установление федеративного строя в Югославии.

Этот временный орган, рожденный в огне войны, явился предтечей демократических государственных институтов Федеративной Народной республики Югославии, образованной около двух лет назад и являющейся по форме народным государством, страной новой демократии. Крупнейшим внутриполитическим актом этой республики было провозглашение равноправия всех населяющих ее народов, положившее начало прочному братству южных славян. Крупнейшим внешнеполитическим актом был подписанный в апреле 1945 года в Москве договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией.

Год назад международная реакция обычными провокационными способами попыталась прогнуть силы молодой Югославии. Американские самолеты начали систематически нарушать ее государственную границу. Пренебрегая всеми международными правилами, соблюдение которых обязательно в отношении любого суверенного государства, игнорируя дипломатические протесты югославского правительства, вдохновители этих инцидентов отнюдь не пренебрегали тому, чтобы американские самолеты продолжали совершать полеты над югославской территорией. Тито, ставший во время поездки в Приморье свидетелем одного такого нарушения границы, приказал своей боевой авиации прекратить эти «воздушные прогулки» непрошенных гостей. Югославские летчики силой оружия «спрыгали с земли» нарушителей границы, заставили их сесть на югославском аэродроме. В речи, произнесенной по этому поводу в столице Словении — Любляне, Тито сказал замечательные слова: «Мы ждем нового мира, мира, достойного тех, кто пошел величайшей жертвой во время войны. Мы не ждем мира, добытого любой ценой, так как мы дорожим за него заплатили. Мы больше не зачитаем ни одного дивана за этот мир. Мы не отдадим ни пяди земли, по праву принадлежавшей нам. Мы не отдадим нашего». После этих пропущенных спокойной твердостью слов прекратились попытки нарушения югославских границ.

V.

Мне не раз приходилось встречать маршала Тито и наблюдать его в самых различных условиях.

Я видел его в дни войны в простом походном военном комбинезоне среди солдат и офицеров Народно-освободительной армии. Невысокий, плотный и весь какой-то по своему подтянутый, как прирожденный военный, он шел по рядам своих солдат, легкою прикладывая руку к козырьку фуражки, и на его загорелом лице светилась простая, очень дружеская улыбка; при виде этой улыбки сразу становилось ясно, почему, встречаясь с ним, солдаты испытывают буквально неустойчивый энтузиазм и почему под его воздействием они совершают на войне почти невозможное.

Я видел Тито и после окончания войны. На строительстве железной дороги в горах Боснии он дружелюбно беседовал с колхозными рабочими-добровольцами, стоя чуть ли не по колено в грязи размытой горной дороги. До этой встречи маршал в течение нескольких часов обходил места работ, осматривал переоборуданные участки, разговаривал с инженерами, техниками, десятниками. Спутники его едва не падали с ног от усталости, а он спокойно и с интересом беседовал с рабочими, живо расспрашивал их, шутил.

Несколько дней спустя я видел Тито на торжественном приеме. В блестящем маршальском мундире появился он среди почетных гостей и дипломатов, с величайшим достоинством отвечая на их приветствия. И если в горах Боснии он казался знающим инженером среди рабочих, то тут он выглядел прирожденным государственным деятелем, с дней своей юности привыкшим к этой среде.

Но особенно запомнилось мне выступление Тито на предвыборном митинге в Белграде. Сравнительно небольшую речь он вынужден был произнести в течение часа, так как после каждой сказанной им фразы в огромной толпе, заполнившей не только просторную площадь, где находилась трибуна, но и соседние улицы и бульвары, поднималась такая буря оваций, что маршалу приходилось терпеливо выжидать, пока они стихнут. И он стоял над ликующей, рукоплещущей, бросающей в воздух шапки, размахивающей знаменами толпой и улыбался, а ветер поведал русые волосы народного любимца, словно ласкал их. А вскоре я побывал у маршала Тито в его небольшой загородной вилле, где он живет со своим приемным сыном.

Тито сидел в скромном кабинете, за рабочим столом, под которым свернувшись клубком и снисходительно поглядывая на незнакомых людей зорким черным взглядом, лежал огромный нес Титр. На письменном столе, среди бумаг и свежих газет аккуратно стояли книги: сочинения Сталина, «Братский курс истории ВКП(б)» на хорватском языке. Полоски бумаги, вложенные между страницами, многочисленные карандашные пометки и подчеркивания свидетельствовали о том, что книги эти не просто читались, они изучались.

По-военному прямо сияя в кресле, маршал рассказывал нам о строительстве новой Югославии, о ее хозяйственных и культурных успехах. Он говорил с увлечением обо всем, что происходит в его стране. Он восхищался своим народом и особенно ярко рассказывал о его военных и трудовых подвигах.

При этом широкое мужественное лицо Тито излучало такую энергию, волю, теплоту, а прекрасные серые глаза его светились таким поразительным, живым и вдохновенным умом, что еще и еще раз становился понятным тот огромный авторитет, каким этот народный вождь, неустанный борец за мир и демократию, пользуется и в своей стране, и за ее пределами.

Премьер-министр Федеративной Народной Республики Югославии маршал Иосип Броз-Тито

Ю. Д. ХАЛДИН

Георгий МДИВАНИ

Встречи с маршалом

Трудно найти слова для выражения любви, которая пылает в сердцах югославских народов к своему маршалу Тито. Это он поднял югославский народ против немецких оккупантов и внутренних предателей. За ним пошли сотни тысяч сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев и боснийцев. Разрушенная на части, страна оросилась вокруг Тито, он стал сердцем ее народов.

Как полководец и солдат, шел Тито впереди партизанских отрядов, вместе с ними вырывался из окружения, драясь пачком в плечу с рыдовыми вошами. Замечательный стратегический план Тито, осуществленный в боях на реке Неретва, навсегда останется одним из лучших в истории образцов ведения партизанской войны.

Голодную, обессиленную армию Тито, в которой было четыре тысячи раненых и больных тифом, со всех сторон окружили отборные немецкие дивизии и четниковские отряды Михайловича. Эту армию маршал Тито вывел из окружения, не оставив ни одного человека. Много дней и ночей пытался он, терпящим со всех сторон врагами, брести сквозь снег и бурян среди непроходимых гор.

Маршал Тито рассказывал мне, как ослабевшие люди то и дело падали, совершая этот труднейший марш, но остальные, сами едва держась на ногах, поднимали своих товарищей.

Но самым тяжелым бичом оказался не тиф, не ранения, а массовые галлюцинации голодных людей: снежные сугробы казались им теплыми хатами, а обледеневшие камни — пылающими очагами, на которых жарилась жирная баранина. Люди жадно вдыхали воздух и смотрели друг на друга вожделенными, безумными глазами. Но при встрече с врагом они тотчас же приходили в себя и бросались в бой.

Тито шел вместе с ними, впереди них. Вместе с ними он голодал и, как многие солдаты, нес на руках детей, родители которых погибли.

Бывали случаи, когда партизаны выстраивались в длинную очередь возле большого камня или дерева. Им казалось, что они стоят у дымящегося котла, чтобы получить солдатский паек. И жутко гремели пустые котелки...

— Мало что из нас не страдала галлюцинациями, — рассказывал маршал Тито. — Однажды я сам пережил тяжелые минуты. Я шел впереди колонны, стараясь быть спокойным и бодрым. Я знал, что на меня смотрят тысячи глаз, воспламеняемых голодом и бессонницей. И вдруг на снежной горе я увидел дом, похожий на дворец. Не буду скрывать, что мне стало не по себе. Я оглянулся на людей и заметил на их лицах пугливую надежду. Значит, им грезились то же, что и мне, и все мы одинаково боялись, чтобы это «видение» не исчезло так неожиданно, как и появилось. Тогда я окончательно взяла себя в руки и решил идти спокойно, деляя вид, что я ничего не вижу впереди, кроме горного тумана. Я даже прикрыл на несколько секунд

глаза в надежде, что когда открою их снова, — миря рассеется. Но когда я открыл их, передо мной опять был тот же дом, только уже совсем близко. И внезапно я очутился от звука собственных шагов по ступенькам лестницы. Только тут я убедился, что это не мираж и что, очевидно, я тут поддался галлюцинациям.

Впервые я увидел маршала Тито на первой македонской земле в 1945 году, в Белграде, на площади Гераяна.

Я видел, как сотни тысяч людей проходили мимо трибуны. Здесь были профессора университетов, студенты, служащие учреждений, крестьяне из далеких деревень, и армия, и бывшие партизаны. В строю шли бойцы, которые знали Тито и в тяжелые дни боев и в дни побед. Каждый из демонстрантов замедлял шаг перед трибуной, чтобы лучше разглядеть родные черты народного героя.

Я видел в крестьянских хатах горной Боснии убранные живыми цветами фотографии маршала Тито.

Не раз я слышал, как пахари весной, работая в поле, пели песни о Тито.

В дни партизанской войны немцы вывели нас на всех углах объявления, в которых сообщалось, что за голову Тито назначена огромная сумма денег. Читая эти объявления, сербы, хорваты, словенцы, черногорцы, македонцы и боснийцы презрительно улыбаясь, Миллионы их видели Тито, стоял рядом с ним, готовые каждую минуту собственной грудью заслонить его от смерти...

Я находился в столице Македонии — Скопье в день, когда отмечалась очередная годовщина начала партизанских боев против фашистов.

В большом зале офицерского дома был устроен обед, на котором присутствовало несколько сот человек. Здесь сидели руководители партизанских отрядов из далеких деревень Македонии. Сидели женщины-партизанки. Сидели писатели и учителя, школьники и табакотводы — представители всех трудовых слоев народа.

Вста в зал вошли восемь седых македонцев, все поднялись из-за стола. Женщины были одеты с ног до головы в черное. На груди у каждой на красной ленте висел орден народного героя Югославии. Это были бабушки и прабабушки погибших героев-македонцев. Младшей из них было 78 лет. Накануне в здании государственного театра маршал Тито вручил им эти награды.

Старшая из македонцев, 93-летняя высокая, худая женщина, обняла маршала Тито и со слезами на глазах сказала:

— Я впервые вижу тебя, сын мой, но я о тебе так много слышала, что заиду твоей матери. Спасибо! Благодаря тебе мы получили землю и свободу. — Она хотела поклониться в пояс, но растроганный Тито не позволил сделать это. Тогда она властно ответила: «Это поклон твоим родителям!»

И все восемь женщин низко поклонились.

«Дым отчества»

Новая повесть К. Симонова

В одиннадцатой книжке «Нового мира» будет напечатана новая повесть К. Симонова «Дым отчества».

Советский интеллигент, инженер Бассаргин попадает на работу в Америку, где остается довольно продолжительное время, а затем возвращается на родину. Размышления героя о виденном за границей, его разговоры на пароходе, встречи с родными и близкими по возвращении домой образуют фабулу повести.

Сопоставление двух миров, двух систем, двух идеологий — вот что составляет ее идейное содержание.

Обсуждение повести на собрании секции прозы Союза писателей привлекло в Центральный Дом литераторов большую аудиторию.

— Это страстно написанная вещь, — сказал И. Эренбург. — Она горячо защищает интерес советского государства и ставит ценности нашей жизни на их должную высоту. В том, что Симонов признает отдельные положительные стороны американской техники и быта, но противопоставляет им духовное убожество американца-обывателя, и заключена идейная значительность произведения.

В новой повести Симонова, — подчеркнул Конст. Федин, — сочетались лучшие особенности его дара: пером драматурга издан диалог, пером публициста — размышления героя, в лирических эпизодах, особенно в финале, мы чувствуем перо поэта и, наконец, в выразительности характеров, которых не было в драме Симонова, сказался его дар прозаика.

Выступавшие касались также жанра этого произведения. Автор нарушил здесь законы чистой беллетристики, но не забыл еще смелый прием, который позволил бы говорить о появлении нового литературного жанра. Указываясь также на отдельные недостатки стиля языка и композиции повести.

В заключительном слове К. Симонов подчеркнул, что не считает работу над повестью законченной.

В обсуждении приняли участие А. Бек, Д. Ланин, Л. Лагин, Н. Москвина, И. Нузин, А. Письменный, О. Савич, Р. Фраерман и др.

Премьера «Острова мира» в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД (От наш. корр.). Значительным событием в театровой жизни Ленинграда явилась постановка комедии Евг. Петрова «Остров мира», впервые осуществленная на сцене Ленинградского театра Комедии.

В сатирической комедии-памфлете, вдохновленной поставленной и оформленной Н. Акмова, участвуют Л. Кровицкий (м-р Джекоб-младший), Я. Зарубин (м-сс Джекобе), Е. Юнгер (Памела), Ж. Ленский (Фрэнк), А. Бениаминов (Ламберти), Н. Нурм (Кэтрин), А. Бонди (Майкрофт) и др. Спектаклю предшествовало выступление «от театра», в котором подчеркивается злободневность юного и талантливого произведения Евг. Петрова.

«Война оказывается не столь уже ненастоящей для тех групп общества в некоторых странах, которые умело используют военные бедствия в интересах обогащения».

Как указывает театр в своем публицистическом выступлении к спектаклю, эти слова, произнесенные А. Я. Вышинским на заседании Генеральной Ассамблеи организации «Объединенных наций» в сентябре 1947 года, могут служить эпиграфом к пьесе «Остров мира». Ставя этот спектакль, — указывает театр, — мы видели перед собой задачу, стоящие перед всем советским искусством: активно участвовать в борьбе за мир и дружбу народов, против поджигателей новой войны».

Коллектив Ленинградского театра Комедии, которому пришлось за последние годы слышать немало справедливых упреков по поводу забвения им современной тематики, на этот раз добился успеха.

Осуществив талантливую постановку «Острова мира», театр создал интересный публицистически острый спектакль, горячо принятый зрителями.

Литературная премия имени А. М. Горького

ГОРЬКИЙ. (От наш. корр.). Пятнадцать лет назад Нижегородский крайисполком установил ежегодную литературную премию имени А. М. Горького за лучшее произведение местного автора. Премия за 1946 год недавно присуждена писателю Г. И. Федорову за его пьесу «Путь-дорога», идущую в нескольких драматических театрах страны.

Крепкое слово

В 39-м номере журнала «Огонек» помещено стихотворение С. Харламовой «Пирог в Севастополе».

В нем появляются Пирогов, Толстой, Нахимов, Тютчев. Пирогову поведено. Он единственный, чье появление описано без странностей и неожиданных комических эффектов.

Хуже пришлось Нахимову: великий флотоводец возникает в стихотворении на фоне мучительной борьбы синтаксиса и рифмы.

Своей морской пехоты мимо Проходит адмирал Нахимов. Ищу какого-то графа Толстого...

Рифмы побеждают не только синтаксис, но и здравый смысл. Чтобы зарифмовать слово «странья», поэтеза заставляет сыграть «песок за воротник, за шюзу». За воротник — это понятно, это между воротником и шеей. А куда попадает песок, забившийся за шюзу?

Вот, слезившу шапку на макушку, Пушкряк пришел ловит мушку.

О ком это разухабистое дуэстие с мушками, пушками и макушками? Снова о Толстом. А вот еще о нем:

Протух от порохов и дегтем, А перед ним — война и мир...

Вот не то задачка из учебника арифметики для первого класса, не то детская считалка.

Два плюс один — теперь их трое. Фронт русский развернулся шире. Пароль известен? Кто ты? Стой! Ты Николай Толстой.

Три плюс один — и вот четыре. С планшетою, с пирозом, с лозагой, Тютчевен встал. — Ну вот он и ший!

Не будем слишком строго судить поэстесу: ее неопытность очевидна. Но к редактору хочется обратиться почти цитатой из неназванных им ученических стихов:

Редакторов небрежных мимо В плохих стихах погиб Нахимов. Слышится крепкое русское слово: Ищут редактора, ищут Суркова.

И. ОКУНЕВ

КОНЕЦ „СЕМЕЙЩИНЫ“

Книгу Ильи Чернева «Семейщина» справедливее было бы назвать не романом, а беллетристической историей. История и беллетристика старовосковского села расказана в ней правдиво и толково человеком, который сам вышел из круга «смейских», как именовали себя раскольники.

История эта интересна и занимательна. На протяжении столетий в жизни крестьян села Никольского было, по существу, лишь одно событие, которое можно назвать историческим, — насильственное переселение предков царшей Екатерины с далекой Волыни в неведомое и дикое Прибайкалье. Но этот факт и все связанное с ним — потеснение исконных жителей — бурят, борьба с суровой природой — произошли так давно, «сотня лет с той поры минула, — может, больше, а может, и меньше, — кто считал, что кажется почти легендой».

Идут годы, десятилетия, похиже друг на друга, как две капли воды, сменяются поколения, но поприще крепки устои «смейской» жизни, нерушима депутатская власть уставщика. Где-то в большом мире на неселе кипучий девятнадцатый век, уже вырываются валы призраков грозного двадцатого, а в ташемном селе тишь дореволюционной старины — предистория.

«Она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика и представляла мало лица красочному», — сказал бы в подобном случае отставной офицер Белькин, незабвенный летописец села Горюхино.

Времена исторические начинаются для Никольского в 80-х годах прошлого века и распадаются на две резко различных по характеру части:

первая — когда история входит извне в замкнутый мирок «смейщины» и против воли людей властно разрушает вековые устои их привычной жизни;

вторая — когда люди, разбуженные от векового сна, начинают сознательно творить свою собственную историю.

В центре повествования — семья Ивана Финогоновича Леонова в трех и даже четырех поколениях, от делов до правнуков, в ее родственных взаимоотношениях чуть ли не с половиной села. Величавое «геральдическое» древо этой семьи столь ветвисто и огромно, что по его отдельным ветвям и побегам можно проследить в ее основных чертах всю историю русского крестьянства за последние полвека.

Ценность книги в том, что история эта является читателю не в виде общих, отвлеченных формул, а в ее живом и своеобразном преломлении в самобытных условиях раскольничьего села, богатого разнообразными, незаурядными характерами. К тому же характеры эти и изображены далеко незаурядно — летописцем, хорошо помнящим героев и преступников и умеющим воздавать каждому по заслугам.

Покоряет нравственной чистотой души герой первой части книги, Иван Финогонович Леонов, человек светлого ума, мечтающий о справедливой жизни. Он с ужасом видит, сколь бессильным оказывается древнее благочестие перед соблазнами обогащения, как развращает «смейщину» «жаждоба» — проникновение капиталистических отношений в деревню. Иван Финогонович порывает с одностепенными, переживает на дальнюю землицу. Но и собственную семью он не смог отградить от разрушения. Нищет старик, уходит на всегда в город любимый сын Андрей, покорно тинут трудовую лямку многодетные дочь и зять, богатет и окаяняется отделившийся сын Дементий, совершая во имя бога собственноручно одно преступление за другим. Над стариком Леоновым смеются, считая его «аромом нового». Но старик не впадает в отчаяние — явственный противник тех хищнических отношений, которые принес в деревню капитализм. Не случайно и естественно Иван Леонов оказывается одним из первых страстных поборников новой советской власти, справедливости которой для него несомненно. В этом образе автор удался убедительно показать, как советская власть, подобно магниту, притягивала к себе все нравственно здоровое, честное, что было в русском крестьянстве.

Действующих лиц в книге так много, что невозможно остановиться даже на особенно удавшихся автору образах предста-

вителей советского поколения николевцев — Елпке, Грунке, Никитке. Но нельзя пройти мимо обязательного образа Ахима Ивановича — единственной героини, которую автор сохранил от первых до последних страниц романа. Ее трудолюбие, здравый крестьянский ум, русская ласковость к людям — качества, поистине завидные. И какой удивительный путь — от темной, забытой крестьянки до активистки колхоза — прошла эта чудесная женщина! Когда-то она сокрушенно скорбела о том, что собственный ее брат ненавидит и грабит ее отнюдь, ставилась за судьбу несправедливых дочерей — а у нее их семь! — и вот дожда до большой радости: зять — председатель колхоза, сын и невестка — знатные трактористы, усновленный прием — председатель сельсовета, а двух последних дочерей даже и не видела как замуж выдала, да и то сказать, не в чужие люди ушли, в свою же артель. «Как работали на всех, так и сейчас работают», — значит, и на нас, старуху Ахиму? Уж знает темным-темно, да отупения заморочка вековыми суверенными и суровыми законами «смейщины» была душа Ахима Ивановича, и, однако, покаял и ошенила своим здравым умом простя крестьянка все преимущества коллективного труда и всем сердцем отдалась новой жизни.

Роман начинается с проникновения капиталистических отношений в патриархальное деревню и заканчивается победой социалистического строя, полной ликвидацией «смейщины», как специфического явления сибирской жизни. Изображая этот большой и богатый событиями период, автор правильно отводит наиболее место истории советских лет. Пожалуй, редко кому удавалось так живо и образно, как это делает Чернев, описать после революционную классовую борьбу в деревне, на всех ее этапах, вплоть до полной ликвидации кулацкого хозяйства, показать одинаково ярко все разнообразие форм сопротивления кулачества.

В книге нашли отражение, помимо уже описанных в нашей литературе событий, и такие, которые вовсе не освещались ею, — создание буревойной Дальневосточной республики в 1920—22 годах, спровоцированный японской войной китайской военизированной группой КВЖД, попытка кулацкого мятежа в Мухоршибире в годы коллективизации.

Написанная на очень интересном и оригинальном материале, с большим чувством любви к новым поколениям людей села, книга И. Чернева читается с увлечением, хотя манера рассказа несколько однообразна. На мой взгляд, ее отличает своеобразия, свойственное рассказчикам из крестьянской среды. Не раз приходилось мне слышать рассказы крестьян, иногда это бывали целые деревенские истории, подобные истории Чернева, только, конечно, устные. Для таких рассказов всегда характерно отсутствие описаний, пояснений. Если в событиях была замешана и природа, то скажут просто «могучий год был или «слышная гроза была», о внешнем облике людей тоже очень лаконично: «красивый мужик был» или даже «ростом во какой был, выше меня» и рукой покажут. Зато все поступки будут разобраны подробно, а диалог даже передан в лицах, с полной иллюзией подлинности. И хотя никакого внешнего представления об облике человека из такого рассказа не выразишь, но характер его становится удивительно ясен, даже в мелочах.

Закрывая книгу И. Чернева, тоже никак не сможешь сказать, как выглядит его герой, кроме уж самых приметных — один рябой, другой с губой раздутой, — но ощущаешь очень многих, как живых людей, ясно представляешь все эти разнообразные характеры в движении, в развитии.

Соответственно манере рассказа и язык автора почти исключительно разговорный, лишь в первой части слегка архаизированный.

Думается, что «Семейщина» вполне заслуживает внимания массового читателя. Это полезная и нужная книга. Появление ее накануне тридцатого годовщины советского государства особенно своевременно и в ней очень убедительно и ярко расказано, как самые глухие «медвежьи углы» стали советскими колхозными селами.

А. УЛАНОВ

Товарищеское спасибо русскому писателю

Бурята кочевали в тугунских степях, а рядом жили забайкальские раскольники «смейские». Они соседствовали два века, они пережили царей и урядников, войнов и лам, но друг друга не знали, питаясь суверенными, «слушались» друг о друге. Это могло длиться и еще два века, если бы не свершился Октябрьская революция.

О жизни нашего народа с русскими никто до Ильи Чернева еще не рассказывал.

С каким-то особым трепетом раскрываешь книгу о родном крае, который для русской литературы — по самым последним дням — был белым пятном. Что скажет о моих любимых степях русский автор? Те ли дела будут предомою? Те ли люди, с которыми я рос, учился, работал, строил новую жизнь? А что, если писатель не знает многого, не бывал в моих родных уголках? Знает ли он, как труден был путь от векового угнетения, от обесправия рядовых бурят, из темноты — к новой жизни?

Сумел ли показать, как была вражда между русскими селами и бурятскими улусами сменялась тесной дружбой русских и бурятских колхозников?

И вот я читаю в романе повесть, пусть кратко, о жизни бедного улусного пастуха Цыдына. Мне кажется, что я вливаю запах кошачьих степей, мои глаза снова возвращаются к привычной тунете, еле озаренной несколькими лучами света, упавшими через открытый дымоход. Я снова вижу эту жизнь на земле, в обиталище, где нет достаточной утвари и даже нет «настоящих» постели: герой спит в дугале, не снимая дыган ли зимой, ли летом. Опять вокруг меня ноины, урядники и ламы, разоряющие мой бедный народ. На силе в народе, на знании. Он голоден, он бесзащитен перед мором, эпидемией.

«Братские» называли бурятов жители русских раскольничьих сел. Жесткой намешкой звучала эти слова. Пользуясь бесправием бурят-бедняков, богатым из раскольничьего села безкасазно грабили скот у бедняков. Стада богатых бурят они

не трогали, с этими они вели себя «по-братски».

Но вот предомою иные картины. Бывший бедняк Цыдын, как равный, входит в избу русского советского крестьянина. Он уже не садится, как бывало, на порог, а смело идет к столу, здоровается за руку с друзьями. Крестьяне задумались — преимуществам артельной жизни для них ясно, но веками сложившиеся убеждения мешают организовать жизнь по-новому. Разумным советчиком выступает перед крестьянами Цыдын, он уже помощник председателя бурятского колхоза.

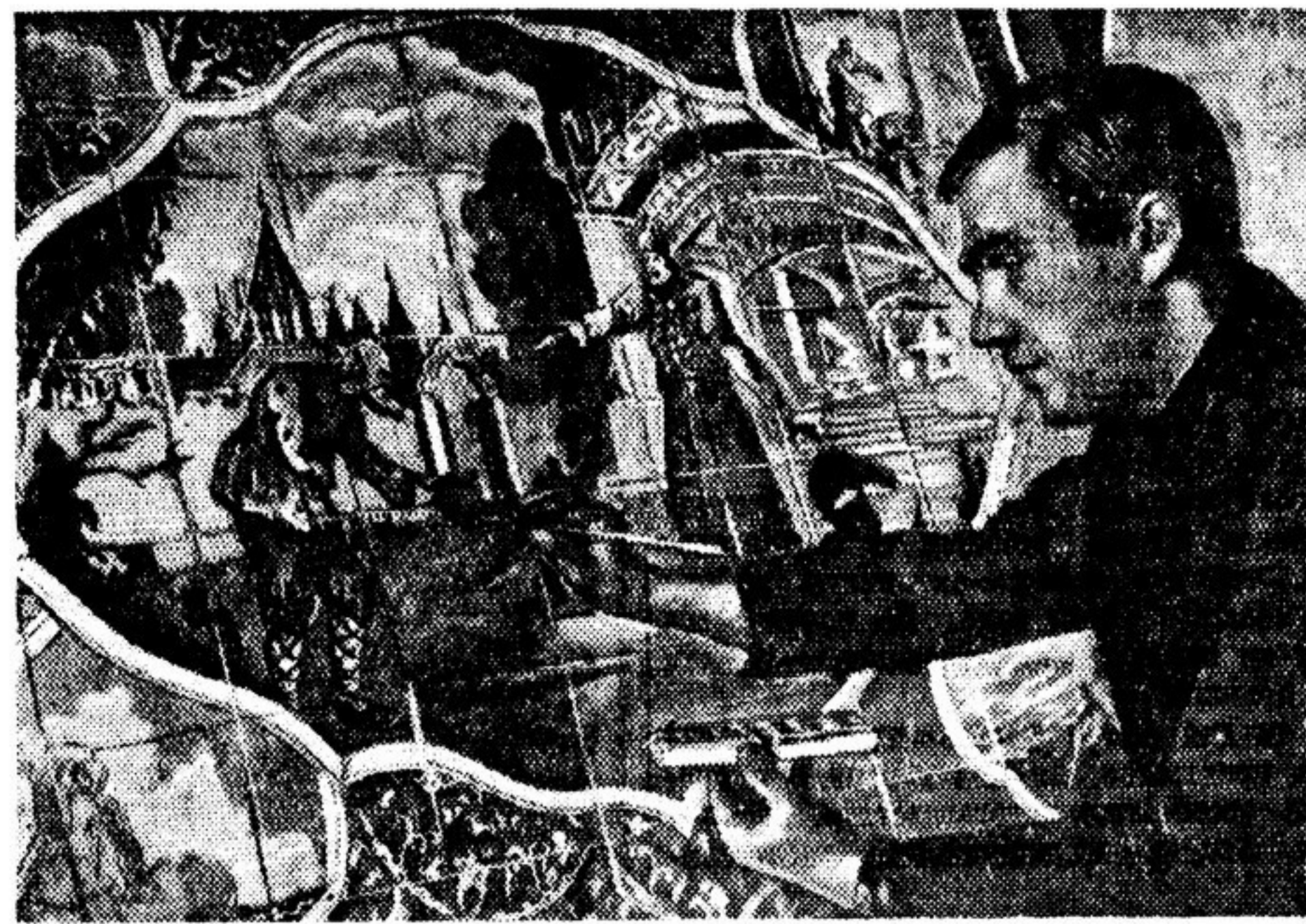
— Да-а... зыходит, опередил ты нас, — говорит Цыдыну один из крестьян, и хоршайла зависть и уважение слышится в этих словах.

С большой силой и любовью к моему народу написана русским писателем эта волнующая сцена. Хочется сказать ему от всего сердца товарищеское спасибо.

Жизнь основных героев романа — «смейских» в прошлом для меня была неясной. Жили бок о бок, но были разделены непродоходимой стеною. И, может быть, потому я с особым интересом читал эту часть романа, которая посвящена прошлому. Я читал о том, как кулацкая верхушка села искусственно разжигала ненависть рядовых крестьян к бурятам, и думал о том, что нечто подобное было и у нас — ведь наши ламы и богаты также искусственно севляли среди бедняков бессмысленную ненависть к русским. И так же, как героям романа И. Чернева, советская власть открыла нам глаза на низость и подлость угнетателей, сплотила русский и бурятский народы в единую семью.

Мне хочется, чтобы книга И. Чернева была замечена читателем, как книга, примером раскрывающая на малом примере большую тему советского братства народов. И хочется верить, что следующая книга писателя, так хорошо знающего жизнь Прибайкалья, будет книга о бурятах, о наших тугунских степях.

Художественная керамика

Словно дремучий лес, черев кочки и ручья мчатся вниз, на богатейшем базисе осне. Развивается по ветру гонимой неволею. Бережно придерживает валики, драгоценную позу: невольное тело валики. Это стеновое панно «Русь и Тюркитла» работы художника-керамиста, народнохудожественного мастера Лобникова. Изделие из керамики, изготовленное на одном из двух московских предприятий, выпускающих художественно-декоративную керамику.

Пятидесятилетием предусмотрено значительное развитие производства цветных и белых облицовочных плиток, орнамента, ковровой мозаики, стеновых панно, ваз для птиц зданий и парков, барельефов, ларцев и вазет для колонн. Все эти украшения на керамике красивы, прочны, гигиеничны и с успехом заменяют дорогостоящие мрамор и гранит.

Керамика займет большое место в отделке станций метро четвертой очереди, в частности, станции Тургенева. На станции метро «Строгановская» предполагается установка керамических скульптур, изображающие представителей народов Советского Союза.

На снимке: в мастерской художественной керамики Лобникова. Художник В. Губанов за работой над панно «Сказка о рыбаке и рыбке». Фото А. КОЗЛОВА.

Крупная победа советской кинематографии

Международный кинофестиваль в Венеции

В Москву возвратилась делегация работников советской кинематографии, выезжавшая в Венецию для участия в восьмом международном фестивале кинематографии. В составе делегации были Г. Александров, Л. Орлова, Н. Вачнадзе, Д. Еремин и Д. Караева.

В беседе с нашим корреспондентом режиссер Г. Александров поделился своими впечатлениями о венецианском фестивале.

— В течение трех недель, — рассказывал он, — на экране фестиваля ежедневно демонстрировались шесть картин, представлявшие кинематографию 13 стран: Советского Союза, Англии, США, Франции, Америки и распространяющейся оттуда на страны Европы. Американские кинокартины продемонстрировали бесконечную галерею преступлений, убийств, суицидов, пыток, бесчеловечных и жестоких поступков. Эта кинолента — художественный панорама — не что иное, как намеренное отравление человеческого сознания.

Сила доллара привлекала к этой позорной деятельности некогда передовых и талантливых художников американского кино. Стало ясно видеть, некогда славные имена мастеров кинематографии на кинокартинах, демонстрировавшихся американским народом в духе несправедливого высокому, человеческому, прогрессивному. Нельзя оставаться равнодушным к такой широкой пропаганде низменных чувств, к страшной «кветке на человека, какой являются нынешние произведения Голливуда.

О том, что современное американское кино является преступной силой, можно судить по влиянию, оказываемому им на кинематографию тех европейских стран, которые охотно идут в фарватере американской политики. Естественно, что на первом месте среди злигосов американской кинематографии ужасов — английское кино. Нынешняя английская кинематография отличается от американской лишь своими актерами и режиссерами. Что же касается содержания, то оно в точности повторяет американские эталоны.

Такой же процесс «американизации» обнаруживает кинематография французская, итальянская и некоторых других стран. В Италии разлагающему влиянию американского кино противопоставил одна группа молодых мастеров, к которой принадлежат Роберто Росселини, поставивший знаменитый фильм «Рим» — открытый город.

К сожалению, прогрессивные идеи этой группы разделяют далеко не все в Италии. Именно этим обстоятельством, по моему мнению, можно объяснить странный эпизод, имевший место на фестивале во время демонстрации советского фильма «Весна». Сразу после того, как закончилась демонстрация фильма и в зале еще раздавались аплодисменты, свет внезапно погас и на экране появился итальянский премьер-министр де Гаспери. Со скорбным и торжественным выражением лица он возвестил с экрана о том, что Советский Союз ратифицировал мирный договор с Италией и что это-де предвещает итальянскому народу новые тяготы и лишения.

Провокационная попытка сорвать успех советского фильма не достигла, однако, цели. Советское кинематографическое искусство было высоко оценено зрителями и участниками фестиваля.

Значительный успех выпал на долю кинематографов стран новой демократии. Прекрасный чехословацкий фильм «Сирена», в котором представлена революционная борьба чешских рабочих, получила Большую премию. Высокую оценку по группе документальных фильмов получили фильмы Югославии и Болгарии, показывавшие последнее восстановление и успехи экономики и культуры этих стран.

Полный провал потерпела американская кинематография, представившая наибольшее количество фильмов. Только одна американская картина получила премию, да и то из числа сюрреалистических картин, которые также были представлены на фестивале. Несколько премий получили отдельные американские актеры, режиссеры и композиторы. Что же касается самих картин Голливуда, то они и участниками фестиваля и прессой почти единодушно были

Студенты о романе «Университет»

Студенты Московского университета создали читательскую конференцию, посвященную обсуждению романа Г. Ковалова «Университет», опубликованного в журнале «Октябрь» (№№ 6, 7, 8). Горячие споры, возникшие в ходе обсуждения, свидетельствовали о том, что книга затрагивает значительные и актуальные вопросы.

— В романе высоко поднято значение русской философии. В нем показано, что в нашей стране наука стала достоянием народа, — так определил значение книги Ковалова студент 3-го курса филологического факультета т. Шварцкопф. — Автор удачно изобразил столкновение людей двух типов. Одни — носители новой коммунистической морали, это секретарь партийной организации университета Татауров, ученый-химик-изобретатель, академик Суздиков и молодой ученый Илья Кожаров. Кожаров смело ломает существующие представления, скрытые под маской космополитизма низлет перед наукой Запада и недоученной русской философской мыслью.

Это — тип ученого-новатора в подлинном смысле этого слова. Представитель второй группы является профессор Богучаров, который говорит Кожарову: «Мне хотелось предостеречь вас от чрезмерного увлечения достижениями русской науки». По сути дела, именно такая точка зрения, в конце концов, привела безызвестного профессора Жебрака на страницы американского журнала, где он объединяется с реакционными учеными и выступает против русской советской науки.

П. Пустовойт отмечает преимущество в романе еще одной очень важной мысли, — что философия не наука «над науками», что она развивается в тесной взаимосвязи с естествознанием. Выступавшие единодушно отметили большое значение романа «Университет», как первой попытки в нашей литературе изобразить жизнь студенчества, показать борьбу нового со старым на материале университетской жизни.

Вместе с тем, участники обсуждения отметили ряд значительных недостатков произведения. Оживленную дискуссию вызвали образы главного героя — Ильи Кожарова в студентах, показанных в романе.

— Образ Кожарова статичен, — говорит т. Шварцкопф. — Это заранее данная величина. Он не показан в развитии. Мы знакомимся с Кожаровым, когда им уже написана диссертация на философскую тему, в которой автор излагает свое кредо. И, собственно, в конце книги мы знаем о герое столько же, сколько знали в начале.

Т. Паскунов, Билинский и другие отмечают, что образ Кожарова схематичен, лишён живых индивидуальных черт. Кожаров в романе противопоставлен всем остальным героям. Единственный человек, который понимает его и может поддержать, — это секретарь партийной организации Татауров, но автор не случайно наделил Татаурова туберкулезом и приковал к постели. Напа сила именно в том, что мы крепко связаны друг с другом, что партия опирается на весь народ. Кожаров же ведет борьбу в одиночестве.

Пытаясь вдохнуть в своего героя жизнь, автор строит любовный «треугольник» — Кожаров — Ульяма — Суховилов. Но банальность ситуаций, полное тождество этого треугольника с другим — Нагайцев — Те-

лежин — Нага, где Нагайцев представляет собой будущего Кожарова, а Тележин адекватен Суховилову, делает эту попытку несостоятельной.

Автор наделяет героев какой-нибудь одной особенностью и эту особенность усиливает до крайности. Таков «лиричный» Нагайцев — по замыслу автора, представитель народа в науке, а по существу — архиприхотливый носитель «сермяжной правды».

Причем и здесь нет движения образа. Нагайцев в конце романа так же анархичен в «самобытен», как и в начале. Вместо того, чтобы изменить героя, автор идет по более простому пути — он приспосабливает к герою окружающую среду.

Таков образцово-показательный студент Конкин. Где-то проскальзывает, что он арматурщик-стахановец, затем мы узнаем, что он биолог, а еще дальше Конкин неожиданно делает доклад о фольклорной экспедиции. Какую ценность имеют его работы, трудно сказать, это какой-то мало реальный универсализм. Ковалов особенно подчеркивает аскетизм Конкина. Он спит 5—6 часов в сутки, занимается по 16 часов и, кроме того, еще ухитряется воспитывать двух малолетних братьев. Мы любим книги, мы много работаем, но мы не аскеты, это неправда.

Студент Прожого — скорее «вечный студент» прошлого века, чем человек наших дней. Далеко не все студенты согласились с той критикой, которой подвергся образ Кожарова.

— Неужели вас, филологов, ничуть не волновал смысл тех образов, которые выведены в этом произведении? — начал свое выступление студент философского факультета тов. Лехнер. — Этот роман, который очень близок нам, ставит много вопросов важных и наиболее важных. Я не буду говорить об идейном значении произведения, так как оно никак и не отрывалось, но мне хотелось бы взять под защиту отдельных героев. Образ Кожарова мне не кажется схематичным. Кожаров не мучается сомнениями? Да, но это и не обязательно. Ясность ума свойственна многим нашим ученым. Сравните его с Тележиным, и вам станет понятной убежденность Кожарова. Тележин тоже просто решает все проблемы, по это простота ограниченности, да и проблемы его не выходят из круга личного «я».

— В образе Кожарова нет ничего преувозятого, исключительного, — утверждает т. Павлов. — Кожаров не один, не оторван от жизни. Он закончил естественный факультет, работал в заводские, тесно связан с колхозом. Кожаров активен. Он первый вводит курс истории русской философии, он организует проверку работы аспирантов. Он перестраивает весь ход жизни на факультете. Как же можно утверждать, что его борьба выражается только в том, что он пишет книгу? Он смотрит далеко вперед, и ему, возможно, видно многое из того, что еще не видит его товарищи по работе. В этом образе отражены многие характерные черты советского ученого.

На конференции выступили, кроме основного докладчика, восемь человек. Многие желающие не смогли высказаться за недостатком времени. Студенты выразили желание созвать читательские конференции, посвященные другим художественным произведениям текущего года.

Михаил ГОЛОДНЫЙ СУД ЛИНЧА

На кедре высоко
Повесили Тома,
И горько раскинулось
Мертвые руки
Над светлым простором
У моего дома,
Под небом надежды
И вечной разлуки.

Продают добровольно,
Где лоуто не истре
У судей в зарпете
И Тлохнут законы
В могиле Линкольна!

Кричат попугай
В цветистой долине,
И ветер над кедром
Шумит безудешем;
Кузнечик о черном

Кто будет за бедного
Тома в ответе
В отчизне, где честь

Сергей ЛЬВОВ

ПОВСЕДНЕВНОЕ ЧУДО

Советская действительность богата повседневными чудесами.

Школы и училища трудовых резервов, по государственному плану обучающие и воспитывающие квалифицированное пополнение советского рабочего класса, — одно из таких чудес.

Мы встречаемся с ним каждый день, но мало над ним задумываемся.

В цехе металлургического завода «Серп и молот» у одного из мартовских со сталеваром, помогаю ему следить за режимом печи, стоит ученик ремесленного училища Гаврилов. Кроме училища, комсомолец Гаврилов посещает вечернюю школу рабочих молодежи. Недавно на конференции, посвященной 800-летию Москвы, он делал доклад о славной истории завода «Серп и молот».

Можно ли представить себе подростка, изучающего свою профессию на капиталистическом предприятии и делающего в городском клубе для широкой аудитории доклад об истории и традициях завода?

Достаточно задать вопрос, чтобы почувствовать всю невероятность утвердительного ответа.

О повседневном чуде воспитания молодых советских рабочих рассказывается повесть Владимира Курочкина «Бригада смывшихся». Это рассказ о том, как складывается сознательное отношение к труду как призванию, любовь к профессии, как крепнет чувство коллектива, — словом, о

том, как формируется сознание молодого советского рабочего.

Последовательно и увлекательно показывает писатель этапы короткого по сроку, но сложного и трудного пути, по которому ведут своих учеников школа ФЗО. Каждый, кто бывал в мартовском цехе, оценит яркое описание первого дня учебы деревенских подростков, ошеломленных гулением печей, движением запорных машин, ослепительным свечением металла.

Писатель не ограничивается изображением технического обучения будущих сталеваров. Его внимание привлекают сложные задачи воспитания. Деревенский подросток Алексей Половцов отказывается учиться, потому что «у него сам себе хозяином не будешь». Его товарищ Егор Аннушкин объясняет причину недоверия Алексеи к коллективу: «При немцах он поклялсясь не мною», — всякой ершувини у них насмотрелся». Убежденный старым мастером, Алексей остается в мартовском цехе, но первое время он хочет выведать секрет вари-стали для себя одного, в одиночку стремится достичь успеха. С нарастающим напряжением и хорошей профессиональной точностью написана сцена, когда по вине Алексея уходит в брак 50 тонн стали. Мне довелось видеть, как слушали новость будущие сталевары — ученики пятнадцатого ремесленного училища металлургов. Когда Алексей, стремясь ничего не допустить к своему личному успеху, тыроплине и невинчательно заделывал лещку, один из учеников убежденно и обеспокоенно сказал: «Сталь у него уйдет».

Дело, разумеется, не только в технической достоверности этого эпизода. Здесь

названа статья «Повседневное чудо», я имел в виду не только изображенную в повести жизнь школы ФЗО, но и самый факт появления такого произведения. В дореволюционной русской литературе судьба деревенского мальчика, отданного в учение, могла вызвать только рассказ о бесчеловечной тоске и одиночестве Ваньки Жукова. У честного писателя Запада — историко-поэтического, у которого фабрика высосала все силы. Историю эту рассказал Джек Лондон.

В западной литературе были и другие книги о молодых рабочих. Примыкая к жанру производственного романа, они описывали людей, как второстепенных и неинтересных придаток к натуралистически воспроизведенному производственному процессу.

Только в нашей литературе эпизод с неудачной плавкой стали может быть превращен в психологический кульминационный пункт повествования, а усиления вахта у мартена учеников школы ФЗО может быть изображена, как идеологическая победа воспитателей.

Появление книги о рождении молодого рабочего, о воспитании сознания возможно только в советской литературе, и это тоже одно из повседневных чудес нашей действительности.

ПРЕДАТЕЛИ

Карл Реннер, гаситель искр

А. ШАРОВ

Моя первая и благороднейшая задача заключается в том, чтобы гасить искры...

Третьего апреля, когда фашистские танки с грохотом проносились по улицам Вены...

рядных сводчатых ворот дома имени Карла Маркса и сейчас еще видны следы пуля...

В 1907 году прогневившая империя Франца-Иосифа вынуждена была «подарить» народу всеобщее избирательное право...

Благословен фашизм, патриарх социал-предательства со спокойной совестью удалился в свое имение...

«Австрия была создана, как немецкое государство. В ее состав входили все немцы, живущие в Богемии...

«Гаситель искр» всегда был настроен. Когда в 1917 году империя Франца-Иосифа начинает трепать по всем швам...

Какое доверие периода, когда австрийские социал-предатели распустили рабочие отряды, лишили их оружия...

Он широко раскрыл двери государственного аппарата перед фашистами, работая рука об руку с ними...

Вечный страх перед победой рабочего движения не дает ему покоя. Шел 1918 год. За пределами Австрии, в Венгрии и Баварии...

Таков первый итог глголицких размышлений этого политика, убежденного седмичника предательства. Время мыслителей, цурюков, героев прошло...

Вместе с «пародией на партия» Реннер и его партия выступают, как организаторы года. Не так давно они вызвали новое резкое повышение цен...

Знаменитый мастер художественной резьбы М. Бумба...

ГЛУШИТЕЛЬ

«Бразильский делегат на Генеральной Ассамблее ООН г. Аранья, пытаясь...

Посетители редакции рассказывают

Тысячи людей приезают ежедневно в Москву со всех концов советской страны...

Обновленный Малый театр

7 ноября, в день тридцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции, в старом здании Государственного академического Малого театра...

Рукописи Матенадарана в Москве

На днях в московском Доме культуры Советской Армении открывается выставка фронтовых всемирно известного ереванского художника древних рукописей — Матенадарана...

Новые приобретения Литературного архива

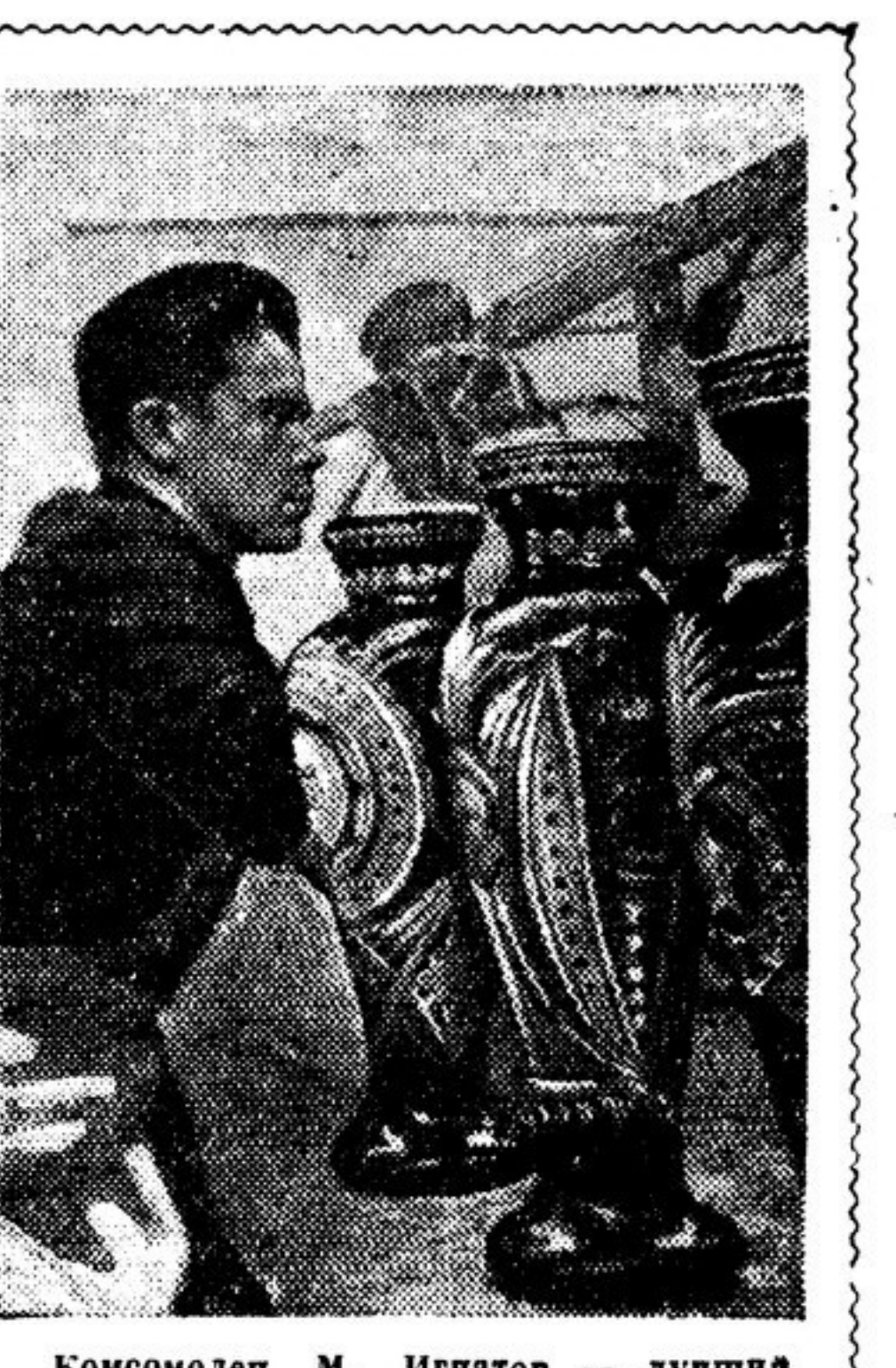
Государственный литературный архив в Москве получил из Ярославля несколько черновых рукописей-автографов Некрасова...

ГДЕ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ?

В № 251 «Комсомольской правды» напечатана заметка под заголовком «Безответственная организация лекций»...

Последние рубежи

Ю. Черупин, автор пьесы «Сталинградцы», написал новую пьесу — «Последние рубежи»...

Комсомолец М. Игатов — лучший мастер алмазного цеха Дзержинского завода...

Пьесы молодых авторов

Пьеса молодых драматургов Б. Дыкова и М. Пенкина «Каменные тропы» посвящена современному советскому студенчеству...

«Возвращение Тараса»

Действие пьесы Д. Зорни «Возвращение Тараса» происходит в гуцульском селе на Карпатах...

«Идущие вперед»

Драматурги А. Кузнецов и Г. Штайн дебютируют пьесой «Идущие вперед». Действие происходит в первые послевоенные месяцы...

«Жаркое лето»

Ф. Кравченко, автор повести «Семья Навальского», написал комедию о колхозной молодежи...

«Последние рубежи»

Ю. Черупин, автор пьесы «Сталинградцы», написал новую пьесу — «Последние рубежи»...

«Последние рубежи»

Зритель встретится здесь с генералом Климовым, командующим армией, его начальником штаба Жилиным...

«Последние рубежи»

В пьесе подчеркнута идея органического единства Советской Армии с демократическими народами Европы...

«Последние рубежи»

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ЛОМОНОСОВА ЗА 30 ЛЕТ

Московский Государственный университет им. Ломоносова готовит к тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции сборник очерков о развитии университета за годы советской власти...

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам. Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета)...

Типография имени И. Е. Скорцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5. Б-01576